

— Нань Шуюй, ты не собираешься помочь мне подняться?

Мужун Юньхай сидел на полу в крайне жалком виде. Хотя пол был застелен ковром и выглядел чистым, сам Мужун Юньхай сейчас напоминал человека второго сорта.

— Ах, прости, забыл.

Нань Шуюй щелкнул пальцами, приказывая слуге принести стул. Сажать его на свой диван он не собирался: потом замучаешься отмывать.

— Юньхай, как ты здесь оказался? Что-то случилось?

Нань Шуюй не хотел даже смотреть на него в таком состоянии: грязный, с всклокоченными волосами, вылитый бродяга.

— Я пришел к тебе. Неужели не догадываешься почему?

Мужун Юньхай дернул себя за одежду. Кто вообще нанимал охрану в дом Нань? Сила у них недюжинная, а манеры и вовсе отсутствуют. Он только замахнулся, чтобы ударить, как тут же получил разряд электрошокером — чуть душу не вытрясли.

— А, понятия не имею.

Нань Шуюй прикинулся дурачком, покачал головой и велел слуге проводить гостя наверх переодеться.

— Не пойду, не хочу!

Мужун Юньхай уперся, как упрямый осел, наотрез отказываясь следовать за прислугой.

— Ладно, предок ты мой, сам тебя отведу, доволен?

Нань Шуюй осторожно взял его за руку и повел наверх. Парень мгновенно притих.

— Как ты меня назвал? Не расслышал, повтори еще раз, а?

Притворяется, что ли? Мужун Юньхаю всего двадцать, а он уже оглох? Нань Шуюй сомневался, что тот действительно не слышал.

— Заткнись. В моем доме нужно соблюдать правила.

Затолкав его в свою комнату, Нань Шуюй подошел к шкафу и небрежно бросил ему комплект спортивной одежды. Мужун Юньхай не стал церемониться и прямо при нем принялся стягивать с себя вещи. Ему-то было всё равно, он не стеснялся, а вот Нань Шуюю смотреть на это совсем не хотелось.

Он отвернулся и уставился в стену. Ему казалось, что Мужун Юньхай делает это нарочно. Шуршание, возня — неужели обязательно производить столько шума при переодевании?

— Шуюй, чего ты боишься? У меня есть всё то же, что и у тебя. Ой, а у тебя уши покраснели.

Нань Шуюй подумал, что тот уже оделся, и обернулся, но перед глазами предстала голая кожа. Брюки Мужун Юньхай надел, а вот верх — нет. Выглядел он, надо признать, неплохо: мускулы, рельеф — всё на месте.

Снаружи послышался шум. Нань Шуюй, решив, что кто-то пришел, поторопил Мужун Юньхай одеваться быстрее. Оказалось, что пожаловали старые знакомые, и ситуация в гостиной моментально превратилась в хаос.

— Шуюй, почему он у тебя дома? И вы только что вышли из спальни!

Шангуань Жуйцян в одну секунду вышел из себя. Мы же договаривались, что все мы друзья, а Мужун Юньхай уже проник в святая святых! Что они там делали? Это же просто непристойно!

— Нет, ты не так понял, он... Ой, да ну тебя.

Нань Шуюй хлопнул Шангуань Жуйцяня по плечу, не зная, как оправдаться, и решил просто замолчать. Пусть думает, что хочет.

— А ты, Мужун Юньхай! Почему пришел к Шуюю и не сказал нам? Приперся тайком!

Мужун Юньхай не понял, почему гнев обрушился на него.

— Я хотел прийти один. Зачем мне вас звать? А если бы Нань Шуюя не было дома?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Знаете, через что мне пришлось пройти? Охрана дома Нань меня избила, приняв за преступника! Посмотрите на мое лицо!

Мужун Юньхай указал на синяк в уголке губ. Он-то здесь пострадавшая сторона!

Дуаньму Лэй невольно усмехнулся. Возможно, они ошиблись. Лицо Мужун Юньхая действительно выглядело опухшим, видимо, досталось ему прилично. В конце концов, охрана могла просто не узнать гостя в лицо — это вполне объяснимо.

— Ладно, проехали. В следующий раз не смей в одиночку всё веселье забирать.

Шангуань Жуйцяню стоило бы побольше читать — неужели он действительно думает, что словосочетание в одиночку съесть всё блюдо уместно в данном контексте?

— Раз уж вы все здесь, мойте руки и садитесь за стол.

Раз уж так вышло, пусть посидят, поедят, поболтают. Эта ситуация лишь укрепила решимость Нань Шуюя заняться делами компании: играть с ними в детские игры каждый день он уже просто не мог.

Нань Шуюй сел во главе стола. Мужун Юньхай устроился слева, Дуаньму Лэй — справа. Неизвестно, показалось ли ему, но каждый раз, когда Нань Шуюй заговаривал с Дуаньму Лэем, кто-то под столом пинал его ногой.

— Что такое, Юньхай?

Дома Нань Шуюй не требовал, чтобы ему прислуживали, они вполне могли сами позаботиться о себе.

— Ничего, брат Шуюй. У тебя очень вкусная еда. Вот бы каждый день так питаться.

Нань Шуюю эта фраза показалась ловушкой. Если он сейчас скажет приходи каждый день, тот ведь обрадуется до небес.

— Ну, неплохо, да. Если нравится, можешь упаковать с собой всё, что хочешь.

Нань Шуюй произнес это с серьезным видом, хотя и шутил, и лицо Мужун Юньхая тут же вытянулось.

— Ха-ха!

Шангуань Жуйцянь прикрыл рот рукой, но не сдержался и расхохотался. Похоже, только Нань Шуюй умеет ставить Мужун Юньхая на место. Видеть его в таком растерянном состоянии было одно удовольствие.

Когда гости закончили ужин и засобирались домой, Нань Шуюй вздохнул с облегчением. Было

очевидно, что уходить они не хотят, а лишь ждут, когда он предложит остаться — их оглядки на пороге говорили сами за себя.

— Пока, увидимся завтра.

Сказав это, Нань Шуюй вовсе не планировал идти в университет. Он уже объявил родителям, что хочет начать работать в компании, и они были невероятно довольны.

Мужун Юньхай остался. Он ни в какую не хотел уходить. Нань Шуюй потер переносицу: у него просто не повернулся язык выставить его за дверь, учитывая, сколько тот сегодня натерпелся. Его лицо выглядело пугающе.

— Пойдем наверх, обработаю раны.

Бросив эту фразу, Нань Шуюй направился к лестнице.

Мужун Юньхай, опешив от неожиданности, поспешил следом. Вот уж приятный сюрприз! Теперь можно будет без проблем устроить скандал или закатить истерику, чтобы остаться на ночь. Он не просил многого — хотя бы на одну ночь, а там, глядишь, и насовсем останется.

— А, ладно.

У Нань Шуюя не было опыта в обработке чужих ран, да и Мужун Юньхай выглядел как человек с толстой кожей, так что он не стал церемониться и с нажимом потер место ушиба.

— Шуюй, больно! Очень больно, потише!

Мужун Юньхай вскрикнул, прикрывая лицо. Любить Нань Шуюя оказалось непросто — словно проходить девять кругов ада, сплошные мучения.

Неужели он мстит за то, что тот пнул его ногой под столом? Нань Шуюй был таким невыносимым, когда не обращал на него внимания. Он должен видеть только его, Мужун Юньхая, а остальные — просто пустое место.

Нань Шуюй нарочно похлопал его по щеке. Мужун Юньхай посмотрел на него с капризным укором. Нань Шуюй на секунду замер: а ведь в нем и правда есть какая-то хрупкость. Один его взгляд показался ему невероятно притягательным. Он пропал. Пропал окончательно и бесповоротно, он действительно влюбился в Мужун Юньхая.

Их лица сблизились. Тюбик с мазью упал на пол, но никто не обратил на это внимания. Когда Мужун Юньхай поцеловал его первым, Нань Шуюй не оттолкнул его, а ответил на поцелуй. Видимо, у мужчин это в крови — инстинктивно знать, что делать. Хотя он никогда никого не

целовал, он действовал так, будто был опытным любовником. Лишь когда Мужун Юньхай начал задыхаться, Нань Шуюй отстранился.

— Брат Шуюй, ты, наверное, многих целовал?

Мужун Юньхай пробормотал это, хотя давно хотел спросить. Как бы здорово было, если бы это был первый поцелуй для обоих. Но если нет — ничего не попишешь, придется смириться.

Нань Шуюй щелкнул его по носу и с улыбкой ответил:

— Нет, глупый. Никого я не целовал, всегда был только ты.

Он хотел было подшутить, сказать, что сбился со счета, но не смог. Увидеть его расстроенным он не хотел. Влюбившись, человек словно обретает слабое место: он больше не может допустить, чтобы этот человек страдал, ведь его боль отзывается в нем тысячекратным эхом.

Сказав это, Нань Шуюй кашлянул, сам удивляясь своей сентиментальности, и поспешил в ванную вымыть руки.

— Брат Шуюй, правда? Я верю каждому твоему слову, это просто замечательно!

Мужун Юньхай посмотрел в зеркало и вдруг почувствовал себя уродливым: лицо в синяках. И как Нань Шуюй не побрезговал его поцеловать? Какой позор. В присутствии Нань Шуюя он еще ни разу не выглядел крутым. Эх, тяжело быть красивым мужчиной.

Поцелуй был таким прекрасным. Нань Шуюй словно исследовал каждый уголок его рта, так страстно и искренне. Нельзя об этом думать, а то ведь реакция не заставит себя ждать. Ох, почему всё так...

Нань Шуюй вышел из ванной, увидел, что тот стоит перед зеркалом, и хлопнул его по плечу: чего пригорюнился?

— Брат Шуюй, ты вышел. Я сегодня могу остаться у тебя? Хотя бы в гостевой спальне.

Такой послушный — непривычно даже. Но он был щедр: если хочет, пусть спит в его комнате, кровать большая, места хватит обоим.

— Ладно, иди в душ. Я поищу тебе чистую пижаму.

Нань Шуюй ушел в гардеробную. Мужун Юньхай посмотрел ему вслед: вот так просто? Мог бы хотя бы предложить остаться в его комнате. Неужели он действительно такой бессердечный,

что отправит его в гостевую? Там же наверняка неудобная кровать.

Получив одежду, Мужун Юньхай с кислой миной поплелся в ванную. Нань Шуюй покачал головой: упрямый, как осел. Наверняка уже жалеет, но гордость не позволяет попросить. Он подождет, пока тот сам попросится.

Мужун Юньхай пробыл в ванной целую вечность, Нань Шуюй успел сыграть пару партий в игру. Когда тот вышел, он велел ему самому сушить волосы, а сам пошел мыться. Нань Шуюй размышлял: все парни такие копуши, как Мужун Юньхай?

А сколько геля для душа он вылил? От него так пахло, что Нань Шуюй несколько раз чихнул. Какой же он самовлюбленный — зачем парню пахнуть настолько сильно? Впрочем, он и духами пользовался постоянно. Плохая привычка.

<http://bllate.org/book/21477/2197727>